

Менские судьбы.
Уютная проза
Марии Метлицкой

Мария Метелицкая

С видом
на Нескучный

Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М54

Художественное оформление серии
и иллюстрация на обложке *Петра Петрова*

Метлицкая, Мария.

М54 С видом на Нескучный / Мария Метлицкая. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-194897-9

Вера всего в жизни добилась сама: успешный бизнес, комфорт, путешествия. Что еще человеку надо для счастья? А что личная жизнь не удалась — так, может, и к лучшему, проблем меньше.

Ей совсем не хотелось вспоминать юность в пыльном, убогом городке Энске, откуда она когда-то сбежала. И тем более не хотелось вспоминать, что сбежала она не только из города, но и от мужа — красавца Геры Солдата, местного криминального авторитета. Сбежала в чем есть, потому что не могла больше закрывать глаза на то, чем занимается любимый муж.

Но прошлое не дает о себе забыть. Спустя годы Вера приезжает в Энск по делам, и неожиданно здесь, в этом ненавистном городке, судьба подкидывает ей шанс не только круто изменить жизнь, но и наполнить ее смыслом.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-194897-9

© Метлицкая М., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

С видом
на Нескучный

—Мам! — сорвалась Вера. — Ты меня совсем не слышишь?

— Я-то тебя слышу, доча. А вот ты меня нет.

Вера с безнадежным отчаянием посмотрела на мать. Бесплезно. Мать упряма как осел. Уж если что-то вобьет в голову — не отступит-ся. Такой характер. Вера, кстати, в нее. Ну что делать? Как донести до нее, что то, чего она требует — ну ладно, просит, — невозможно? Хотя нет, все-таки требует.

Тактика у Галюши такая — все начинается с намеков, грустных вздохов и жалобного поскрипывания. Не срабатывает — начинается вторая стадия. Вера называет ее «брат на измождение». Доковырять, донять и наконец довести до нервного срыва, до состояния «да черт с тобой, лишь бы отстала!».

Правды ради, такое было всего несколько раз, и речь шла о том, что для Галины Ивановны было серьезным и жизненно важным.

Мать и дочь обожали друг друга и были одни на всем белом свете, но мнения их по-

что никогда не совпадали. Вера вредничала и противостояла, вернее пыталась противостоять, но, как правило, побеждала мама, Галина Ивановна. И почти всегда мама оказывалась права.

Предмет нынешнего спора и противостояния, по мнению Веры, был пустяковым, а вот по мнению мамы — куда как серьезным. В не к ночи помянутом родном городе (ха-ха, городе! Помоечном городишке, который Вера ненавидела всем сердцем и всю жизнь старалась забыть. Как и их жизнь в этом чертовом Мухосранске) у них, точнее у мамы, оставалась квартира, полученная от комбината. Эту квартиру мама ждала лет двадцать. Слово «квартира» произносилось с придыханием, негромко, словно говорилось о чем-то сакральном. «Мы на очереди», «нам выделили», «нам выдали», «мы получили». Маленькая Вера отлично помнила и слово «смотровой». Смысл его она не понимала, но чувствовала, что это что-то важное, бесценное, самое дорогое.

Тридцать лет пахоты на комбинате, утерянное здоровье, больные сердце и ноги, астма, заработанная на производстве, тяготы жизни в щелястом бараке, не меньшие тяготы в выделенной спустя девять лет ударной работы комнатухе в перенаселенной коммуналке, и слезы, слезы, слезы. Много лет слезы горя, а потом радости — как же, дождалась, *заслужила*.

Как мама радовалась квартирке, как плакала от счастья! «Дочь, свое жилье, собственное, отдельное!»

Отдельное, да. И собственное. Хотя сначала не собственное, служебное, выданное от предприятия. Это потом, в перестройку, Горбачев разрешил приватизацию. Понятно, что из этого дерьма их никто не выселил бы и без приватизации, но когда мама получила гербовую о собственности... Тогда началось — лучше не вспоминать. Она целовала эту бумажку, гладила, любовалась. Это ж как надо было воспитать этих людей, что вбить в их несчастные головы, как убедить, что все это не честно заслуженное и сто лет как отработанное, а подарок, бесценный подарок, незаслуженный приз? А как мама гордилась! Квартиру-то выдали ей, ударнице коммунистического труда, бригадире восьмой бригады, члену профсоюза.

Когда Вера перевозила маму в Москву, та рыдала как на поминках — прощалась с квартирой. Вера пыталась Галюшу уговорить продать эту квартиренку тогда же — ну зачем оплачивать коммуналку, зачем думать о том, что точно не пригодится? Было же очевидно, что мама, а уж тем более Вера туда не вернутся. Ну как же, сейчас! Продавать квартиру мама решительно отказалась — еще чего. «Не ты работала — не тебе решать! Ишь, важная стала, решительная! Бизнесменша, поди ж ты!

Верка, сиди и помалкивай. Ты у себя на работе начальница, а надо мной — нет. Пусть хоть и маленькое, плохонькое, а мое. А вдруг чего? Ну вдруг, а? Вдруг что случится? Это у вас, молодых, память короткая. Какое «вдруг», говоришь? Да любое! Не верю я никому. Жизнь научила. Да мало ли? И все, разговоры закрыты!»

Вера тогда посмеялась: «Да бога ради, мне-то что!» Но неужели мама не понимает, что в этот, будь он неладен, родной город они не вернутся? Никогда, ни при каких обстоятельствах. Подыхать будут, а не вернутся. Да и зачем подыхать? У них все прекрасно! А будет еще круче. Вера знает, Вера уверена в себе. Дела идут у нее отлично. И никакого «вдруг и мало ли что» в их жизни больше не будет. Хорош. Хватит с них и «вдруг», и «мало ли». Свое дерьмо и горести они съели и выпили до самого доньшка. И она, и мама.

В общем, спорить не стала: «Хочешь, чтобы квартира осталась? Пожалуйста! Да и кому нужны эти деньги, смешно! Сколько может стоить двухкомнатная квартирка в городе Энске, за триста верст от столицы, с давно закрытым камвольным комбинатом — единственным, между прочим, местом, где можно было работать и хоть как-то зарабатывать. Крошечная двушка, с советскими выцветшими обоями в желтый цветочек, с урчащим, с коричневой ржавой дорожкой унитаза, треснутой раковиной, стертým линолеумом,

разбухшими деревянными оконными рамами и старой самодельной кухонной мебелью, когда-то сколоченной папашей? О господи, какая невыносимая тоска!» Вера поежилась и передернула плечами — брррр!

Все, забыли. А зря — даст Галюша забыть! И, если честно, Веру достали ежедневные разговоры про продажу. Не прошло и ста лет, и Галюша созрела. А раз созрела — вынь да положь. Езжай и продавай, «тем более что ты, Вера, владелица!».

«Владелица... Смешная ты, мамуль! Я, мам, владелица, ага, владелица заводов, газет, пароходов и еще собственности в Энске. Только мне хватает и без газет и заводов — ты знаешь, мам, я не алчная. И хлопот у меня до фига, и проблем. Справиться бы! И никакой я, мамуль, не олигарх, как ты любишь подколоть. И не бизнесменша, а бизнесвумен, это я тебе объясняла. Но ты же упрямая, мам! Заладила — «олигархша» и «бизнесменша», а я и спорить перестала, назови хоть горшком, только в печь не ставь. Хватит с нас, мама, печей. Я, мамуль, просто успешная и небедная женщина, вот как-то так. Я тебя разочаровала? Ты хочешь дочь-олигарха? Но нет, увы, до олигарха я недотягиваю. И очень этому рада. Нам же хватает, правда, мамуль? На все нам с тобой хватает. Да разве даже в самых сладких, в самых приторных и невозможных снах могли мы мечтать, что все у нас будет? Не, мамуль,

не могли. Фантазии бы не хватило. Ты меня редко хвалишь. Ну и ладно, я все про себя знаю и сама себя хвалю. Молодец, говорю, Верка! Умница! Во развернулась! В пот шибает от гордости. Ай да Верка Кошелева, дочка Гальки Кошелевой, бригадирши с камвольного! Верка с разбитыми коленками, с пегой косицей, растрепанная, конопатая, курносая. В блеклом, да что там — страшном, — сарафане, перешитом из бабкиного халата. Верка, в сношенных коричневых сандалиях, страшных, как бабкина, по ее же словам, жизнь. Верка Кошелева, мечтающая о трех эклерах, когда на один не всегда хватало. Копила. Об *эластической* — бабкина интерпретация — водолазке, бьющей острыми искрами, когда тянешь ее через голову. Верка, мечтающая увидеть Ленинград». В Москве была с классом, правда, коротко и бестолково. Так почти ничего и не увидели. Сходили в Мавзолей с желтой мумией — ребята ржали, а училка, Клавдия Степановна, по прозвищу Конь, потому что топала по коридорам железными набойками, как настоящий коняка, плакала и сморкалась в платочек. Еще посмотрели Красную площадь, Лобное место, прятничный игрушечный собор Василия Блаженного с разноцветными главками, в ГУМе поели мороженого — вкусно, хотелось второго, но их увели. Калининский проспект посмотрели, здание СЭВ — да, красиво!.. Правда, в Планетарии были — вот где красо-

та! Верка закинула голову и еле сдержалась, чтобы не пустить от восторга слезу — планеты, луна, звездное небо! Ничего красивее она не видела. В горле чесалось, но заплакать себе не позволила — она же не Клавка-конь. Вот еще — хлюпать носом! Вера гордая и сильная, по крайней мере, так думают одноклассники.

Кошелева защищает слабых и за всех вступается. Она борец за справедливость, и ей доверяют. А она будет хлюпать носом? Нет, никогда.

Москву вроде видела и не видела — так, обзорно. А театры, Третьяковскую галерею? И зачем их повели в Мавзолей? Зачем потеряли кучу времени в этой гробнице? Будь ее воля — ни в жизнь бы туда не пошла, покойников она навидалась.

А про Ленинград и говорить нечего — там вообще сказка. Вера и фильмы смотрела, и фотографии видела. Северная Венеция... Вот есть же на свете везучие люди — москвичи, ленинградцы, те, кто там родился. А Вера родилась в вонючем Энске.

Но даже тогда, на экскурсии, пятиклассница Вера Кошелева точно знала — из Энска она уедет. Окончит школу — и тю-тю, поминай как звали. Только бы поскорее! И даже мама ее не остановит. Только бы время летело побыстрее! Вот проснуться бы утром и — все, школа окончена! Выпускные сданы, форма на антресолях, билет в кармане, прощай, Энск. «А

ты, мамуль, не реви — мы скоро увидимся! Не, мам, не здесь, и не надейся! В Москве, мам, в Москве! Мы, мам, будем столичные жители! Это я тебе обещаю, и ты меня знаешь! Только немножечко обожди... Ладно, мамуль?»

Немножечко... Ох, Верка! Какая же ты смешная! Смешная и глупая. Немножечко! Как обычно бывает, жизнь внесла свои коррективы.

— Мам, — проговорила Вера жалобным голосом, — скажи честно, ты от меня не отстанешь?

Галина Ивановна ответила честно:

— Не отстану, дочк. И не надейся.

Понятно. Значит, надо начинать действовать. Сколько могла — тянула, но теперь все, край, больше этого Вере не вынести. И так дел и проблем столько, что порой хочется выть. Но у мамы своя правда, и упрямство, и настырность, и настойчивость, и все через край, в полном объеме. Не отстанет.

С одной стороны, проблема пустяковая, не о чем говорить. Особенно в сравнении с остальными. Вот только времени совсем нет. Значит, поедет не Вера, а ее помощница и верный друг, которой она полностью доверяла. Ее Танюха. Татьяна была человеком надежным, проверенным временем, а главное — деньгами. Партнером она не была, съев пуд соли, от предложенного Верой партнерства отказалась навеки.

Она числилась коммерческим директором на постоянной зарплате, но зарплата была такой, что, еще сто раз предложи ей долю в бизнесе, наверняка бы отказалась.

Зачем ей бессонные ночи, нервные срывы и прочее?

Но, пусть Татьяна не имела доли в бизнесе, переживала она едва ли меньше хозяйки. Во-первых, таким верная Таня была человеком. А во-вторых, они с Верой дружили. К тому же Татьяна, как и Вера, была одинока, ни мужа, ни детей. Так сложилось. И Татьяна считала, что, встретив Веру, вытянула самую счастливую карту. Все у нее было: и хорошая квартира, и прекрасная машина, и тряпки из приличных магазинов, и путешествия — что еще надо одинокой женщине сорока восьми лет?

И любовники у Татьяны случались, вот только от серьезных романов она, как и Вера, бежала. Так нахлебалась, что вспоминать неохота. Привязанностей и обязательств Татьяна боялась, и здесь они с Верой совпали.

Татьяна занималась в компании, по сути, всем — и бухгалтерией, и принятием на работу, и увольнениями. И разрешением конфликтных ситуаций в коллективе. И поощрениями в виде коротких поездок всей «хиврой», как говорила Вера, и подарками к праздникам. И сопли вытирала брошенным девицам, и одалживала деньги. Веру боялись, а Татьяну

нет. Хоть и делала строгое лицо, но все знали: Танечка — человек!

Вера напоминала себе, что есть тончайшая грань между дружбой и службой. Общаться — да, а вот дружить взахлеб, доверяя друг другу сердечные тайны, не стоит. Держалась несколько лет, а потом прорвало, так получилось. Выпила и рассказала. А наутро испугалась — что наделала? Теперь все псу под хвост, сядет тихая Таня на шею. Неделью прятала от Татьяны глаза, а потом та пришла к ней и тихо сказала:

— Вер, жалеешь?

— О чем? — глухо спросила Вера, делая вид, что не поняла. — О чем, Тань, жалею?

— Не думай об этом, Веруша, — продолжила Татьяна, — не переживай. Я столько всего повидала. Жизнь научила ценить, что имею, а это главное. Ты мне, Вер, как сестра. Но работа есть работа. Отодвинешь меня — не обижусь. Пойму. Ты столько лет все это строила, столько вложила! Нет, Веруша. Подвоха не жди. Все остается как было: ты — хозяйка, я — наемный работник. Не справлюсь — уволишь. Все остается по-прежнему. Вер, ты меня поняла?

— Не очень понимаю, о чем ты, — кашлянув от волнения, ответила Вера. — Иди, Тань. Дел навалом. И не забудь про завтрашние переговоры.

Было неловко. Ах, как было неловко! Вот что ей, дуре, вошло в голову? Что Таня будет

ее шантажировать? Что попросит поднять зарплату? Что расскажет сотрудникам то, чем с ней поделилась Вера? Чуть, ерунда! Стыдно плохо думать о людях! Стыдно, Вера Павловна! А уж тем более про Танюшку! В общем, все оставалось как прежде: вместе ходили в театры, ездили по миру, шлялись по магазинам, и лучшей спутницы, чем Татьяна, было не найти. Уж какой Вера была одиночкой, уж как уставала от людей, уж как сторонилась привязанностей, а от Татьяны не уставала никогда.

Та была сдержанна, ненавязчива и не болтлива. Впечатления держала при себе. Спросят — ответит. Не спросят — промолчит. Но самое главное — Татьяна была кристально честна. Вера не любила вспоминать, какие проверки прошла Татьяна. Противно. Противно, а необходимо — как доверять незнакомому человеку? В общем, идеальная спутница и идеальный работник. Вера ценила, что Татьяна не зарывалась — никогда не просила надбавок к зарплате, даже когда Вера платила копейки.

Утром решила окончательно: в Энск поедет Танюшка. Ей, Вере, это не под силу.

— Тань! — позвонила Вера. — Можешь зайти?

Татьяна появилась через минуту.

— Сядь, — устало кивнула Вера, — чаю выпьем? Тоже не хочешь? Ну да, и я отекаю... Ох, ничего удивительного — сколько мы за день выхлестываем кофе и чая? Слушай, Тань, —

Вера запнулась, — дело дурацкое, плевое, а без тебя не справлюсь. Галюша достала.

С серьезным лицом Татьяна кивнула:

— Проси, чего душеньке угодно!

— Если бы душеньке! — усмехнулась Вера. — Так нет, не ей. Другой душеньке, нашей драгоценной Галине Ивановне! В общем, Тань, собственница сказочных хором Вера Павловна Кошелева дает генеральную доверенность Татьяне Владимировне Николаенко. С коей госпожа Николаенко отправляется в город Энск и занимается дай бог пару, не больше, недель продажей апартаментов. За ценой, понятное дело, не стоим, демпингуем и сбрасываем ее за минимум, за сколько возьмут. Только бы побыстрее.

— Вер, — жалобно проговорила Татьяна. — Ты забыла? Я ж в понедельник в больницу. Прости.

— Это ты, Тань, прости, — расстроилась Вера. — Господи, ну как я могла забыть, как? Даже в ежедневник не записала, была уверена, что не забуду. Ну да, в этот понедельник! Ой, Тань! Мне так стыдно...

Татьяна принялась ее успокаивать:

— Брось, Вер, а то я не понимаю! Последние две недели были такими, что ничего в голове не удержишь. А если через месяц? Ну или недели через три? Врачи говорят, что раньше не оклемаюсь.

— Не, Танюшка, не пойдет. Через какой месяц, через какие три недели? Ты что! Разве

тебе будет под силу? Нет, дорогая, ты точно нет. Но Галюня взяла за горло. А ты ее знаешь. В общем, надо вопрос закрывать, не отвяжется. И слушать ничего не желает — езжай и продавай! Тань, я бы эти пятнадцать тысяч долларов ей просто отдала, без всякой продажи! Но Галя держит руку на пульсе — созванивается с бывшими соседками. Не скроешь и не соврешь. И знаешь, что она так активизировалась? Бывшая соседка ей сказала, будут отбирать квартиры, в которых никто не живет. Ну как тебе, а? И главное — не переубедить, ни в какую не переубедить. Соседка главный эксперт по недвижимости и главный законник. «Отберут у тебя, Галька, квартиру, как есть отберут. Ну тебе-то что, ты у нас теперь богачка, у тебя дочь олигарх!»

Вера с Татьяной рассмеялись.

— Я говорю: мам, а с чего? — продолжила, отсмеявшись, Вера. — Покажи мне закон, где это написано! Вот никаких аргументов, а жить не дает! Вдруг, говорит, отнимут? Увидят, что мы не живем, и тютю-тютю? Или кавказцы заселятся, а потом их не выгонишь. Или того хуже — цыгане! Табор заедет — и все, прощай квартиру. Ну ты, Тань, поняла. И соседки звонят и добавляют, пенсионерки, делать-то нечего, вот и верещат: «Ой, Галька, уведут твою жилплощадь!» Ладно, Танюш, — обреченно сказала Вера, — видимо, это судьба. Судьба меня тянет туда, в этот Энск. Никак не дает его забыть. Что

делать, стоняю. Только не на машине, дороги сейчас адовы, пятьдесят километров отъедешь от столицы — и все, кошмар. С водителем тоже не хочу. Размещать его, разговаривать, посвящать во все. И еще не хочу, чтобы кто-то видел, в каком говне я росла. Я дура, да, Тань? Не отвечай, сама знаю. Вот знаешь, — Вера помолчала, — столько лет я в Москве, казалось бы, сама себя сделала. Как говорится, через тернии к звездам. Сколько прошла — не мне тебе рассказывать. Вместе в окопах. Люблю этот город, привыкла к нему. Знаю неплохо. А вот москвичкой себя все равно не чувствую, представляешь? Все знаю, все переулки исходила, все дворы облазила. В музеях часами торчала, образовывалась. Хотела нагнуть и перегнуть, наивно думала, что получится. Где вы, московские девочки, умненькие, модные, самодовольные, уверенные в себе? Где вы, высокомерные, образованные, и где я, Вера Кошелева из города Энска? Вот именно. Их-то я победила. А вот себя... А вот себя вряд ли. Так и осталась в душе Веркой из Энска. Так и осталась. Наглой от комплексов, а не от уверенности. И высокомерной от комплексов. Вот такие, Танюша, дела.

Татьяна поднялась с кресла.

— Нормальные дела, Вера. Я тебя понимаю. Все наши комплексы из детства. Банально, но факт. Ну, я пошла? — У двери обернулась: — А может, все-таки меня подождешь?